

Марк ЛИСЯНСКИЙ

НЕОБХОДИМЫЕ УРОКИ

Вскоре после войны я попал на дискуссию о Маяковском. Это было в Москве, в клубе Союза писателей. Запомнилось выступление Виктора Борисовича Шкловского. Он начал с заявления, что дискуссию ему напоминает футбольный матч. Мы тоже играем, сказал он, но... без мяча. Ему хотелось, чтоб открылась дверь и в зал, где кипела дискуссионная баталия, вошел Маяковский.

Нынешняя дискуссия «Маяковский и современная поэзия» напомнила ту, давнюю дискуссию. Такое впечатление, что она все еще продолжается и мы по-прежнему играем в футбол без мяча. Ох, как хочется, чтобы мы в разговоре о современной поэзии не забыли Маяковского и тех поэтов, которые сегодня верны его традициям! И не надо сетовать на то, что сейчас нет Маяковского. Во-первых, он есть. Живут его стихи, мы слышим голос поэта. Во-вторых, не следует, как мне кажется, гадать: есть ли сейчас новый Маяковский? Впрочем, назовем имя Твардовского, недавно ушедшего от нас, которого можно представить рядом с Маяковским. И не только его одного.

Ст. Лесневский огорчен тем, что последняя четверть века не выдвинула поэта эпохи. Но Владимира Владимировича при жизни не называли поэтом эпохи, не называли даже пролетарским поэтом. Помните его «Послание пролетарским поэтам»? Это то самое стихотворение, где знаменитые слова о поэтах хороших и разных.

Маяковский выглядел богатырем, но и богатыри имеют легко ранимые сердца. Что только о Маяковском не говорили тогдашние критики и литературоведы! К счастью, поэты такого масштаба знают себе цену, уверены, что у них «в запасе вечность». Маяковский написал одно из своих самых трогательных стихотворений, где он и публицист, и лири-

поэты. Народность и массовость надо измерять качеством, независимо от количества. Это две стороны одной медали. Одна сторона — творец, поэт, художник, другая сторона — читатель, слушатель, зритель. Обе стороны надо измерять только качеством, чтобы определить, что есть искусство, а что не искусство, тем более — великое. Но и качество имеет свои измерения. Не каждого поэта можно назвать великим, как не каждого стихотворца можно назвать поэтом. Французы говорят: каждый поэт пьет из своего бокала. У одного гигантский бокал, у другого — маленький, но свой. В этом все дело. Даже качество, особенно в искусстве, имеет особую кондицию, разную пробу, как золото.

В русской поэзии есть удивительные поэты, к ним подходят самые восторженные эпитеты: самобытный, талантливый, тонкий, прекрасный, изумительный, но это не всегда означает великий.

Кстати, о великих. Я уже сказал, что потомки благодарней современников. Но не надо терять чувства меры. Скажем, в последние годы мы Фета стали называть великим поэтом. А это ведь вызов Маяковскому, гражданственности русской литературы, о которой мы ратуем в нашей дискуссии. Фет — прекрасный поэт, тонкий лирик, но нужно ли его называть великим?

Вот и Валентин Сидоров считает Федора Тютчева народным поэтом. Он пишет: «Слова «народный поэт Тютчев» ныне звучат естественной». А я вот прочел эти слова, и, при всей моей любви к Тютчеву, они не показались естественными. Ведь это тоже против Некрасова, против Маяковского, против гражданственности поэзии. Даже Достоевский думал по-другому. В своем «Дневнике писателя» он утверждал: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обиходный его (Некрасова, —

В ДИСКУССИИ, НАЧАТОЙ
СТАТЬЕЙ СТ. ЛЕСНЕВСКОГО
(«ЛГ», № 36, 1982), УЖЕ ВЫ-
СТУПИЛИ КРИТИКИ А. КОН-

ДРАТОВИЧ («ЛГ», № 37), В. СУХНЕВ («ЛГ», № 38), А. КАЗИНЦЕВ («ЛГ», № 41), АЛ. МИХАЙЛОВ («ЛГ», № 43), П. УЛЯШОВ («ЛГ», № 47), ПОЭТЫ Е. ИСАЕВ («ЛГ», № 39), А. ВАСАДЗЕ, М. ИЛЬНИЦКИЙ И В. СОКОЛОВ («ЛГ», № 40),

Маяковском, о том, как он кровно связан с временем и как его уроки необходимы сегодняшней поэзии. А тут поэзию обзывают «эстрадной», поэтов, выступающих в Политехническом, или на останкинских вечерах, или, дай бог, на стадионах, называют деятелями «эстрадной» поэзии. Валентин Сидоров стихи написал, где эти поэты язвительно именуются новаторами и где «по-

ные. Ничего подобного я раньше никогда не слышал». И чуть дальше: «Я его боготворил».

Так слушали Маяковского и с эстрады, и в самых различных аудиториях. Наступили другие времена, появились иные возможности, иные поэты, иные любители поэзии. Все шире и шире круг читающих и слушающих поэзию. По радио и телевидению зазвучали сти-

хи, даже песни на стихи таких, казалось бы, неудобных для музыки поэтов, как Маяковский, Цветаева, Вознесенский...

Некоторые стихотворцы, то ли из зависти, то ли из неуменья читать на большой аудитории, превратили слово «эстрада» в бранное слово. А ведь эстрада — это высокая трибуна для поэзии.

Не надо делить поэзию на тихую и громкую, гражданскую и лирическую, интеллектуальную и неинтеллектуальную. Поэзия или не поэзия — вот вопрос. Творчество каждого поэта надо рассматривать как один разнообразный мир, как нечто цельное, единый организм. Подлинного поэта можно узнать по двум строчкам. «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» и «Я вас любил: любовью еще, быть может, в душе моей угасла не совсем» писала одна рука. И Маяковского не надо делить на гражданского и лирического. «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза» и «В небе вои луна такая молодая, что ее без спутников и выпустить рискованно» писал другой, почерк которого нельзя не узнать.

В некоторых статьях дискуссии повышенный интерес к поэзии называют «бумом» и утверждают, что ныне этот интерес упал. Не знаю. Я принимал участие в недавних днях литературы в городах Подмосковья, в других городах, и встречи с читателями проходили в переполненных залах, на полянах, на эстрадных подмостках. Несколько ме-

Дело не в том, где читать, все дело в том, что читать и кому читать. Пастернак в «Охотничьей грамоте» вспоминает, как на Тверском бульваре Маяковский ему читал свою трагедию «Владимир Маяковский»: «Я слушал, не помня себя, всем пережваченным сердцем, затаив дыха-

ИСПЫТЫВАЮ желание высказаться, но в стороне от дискуссии. Почему в стороне? Повода для дискуссии не вижу. Авторы статей сражаются с ветряными мельницами, отличаясь от благородного рыцаря печального образа тем, что наверняка знают: перед ними не войско, а мельницы ветряные. Спор сводится к излюбленным темам: «Традиция и новаторство» и «Гражданственность поэзии». Сколько бумаги ис-

ковский о жизни вообще не сказал, и все сказал новое. Принято считать, что у него новаторская манера письма. Таких новаторов, преимущественно из футуристов, в то время было много. Вот для сравнения два отрывка:

МАЯКОВСКИЙ
Я, обсмеянный
у сегодняшнего племени
как длинный
слабый занюхот

Маяковский и современная поэзия

О. ШЕСТИНСКИЙ («ЛГ», № 44), В. КОЧЕТКОВ И В. СИДОРОВ («ЛГ», № 45), В. САВЕЛЬЕВ («ЛГ», № 46), Т. БОНДАРЬ («ЛГ», № 48), Н. СТАРШИНОВ («ЛГ», № 49), Л. ТЕРЕХИН («ЛГ», № 50), ЧИТАТЕЛИ («ЛГ», №№ 41, 44, 46).

сяцев назад в Волгограде в огромном спортивном зале состоялся поэтический вечер. Билет на вечер достать было трудно. Звучали стихи хороших и разных поэтов в прекрасной тишине, когда ни единое слово не пропадает. Десятки вопросов, автографы. Все как при Маяковском.

К сожалению, в нашей дискуссии многое не по Маяковскому, даже против Маяковского. Вот я читаю статью Виктора Кочеткова. Все в ней вроде бы правильно. Он даже утверждает, что ученые «нащупали нити», связывающие Маяковского... с Ломоносовым и Кантемиром. Кочетков пишет: сейчас Маяковский оказывает самое сильное влияние «не как публицист, плакатор, сатирик, а как лирик, как родоначальник того нового (!) направления в поэзии, которое мы называем «гражданской лирикой». Он тут же оговаривается: «Впрочем, я не собираюсь отделять Маяковского-агитатора от Маяковского-лирика». А сам, впрочем, отделяет. И особенно это ясно, когда он перечисляет ныне здравствующих поэтов, верных традициям Маяковского. Тут он не находит «нитей» между Маяковским и такими поэтами, как Вознесенский, Межиров, Евтушенко, Слуцкий, Рождественский, Исаев, Сулейменов. Львов, хотя эти нити очевидны. В его списке: Валентин Сидоров (кому принадлежат строки, где победили новаторов, простые русские стихи), Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Валентин Сорокин, Станислав Куняев... Хорошие поэты, но все-таки они весьма далеки от пафоса, от духовной мощи, от масштабности, от боевостности Маяковского.

Впрочем, Куняеву нельзя отказать в боевостности, но его боевостность воюет против Маяковского. Когда-то я прочитал его стихотворение, которое начинается так: «Рифмачи, труба-чи, хохмачи, золотая элита эстрады». Можно удивиться издевательски-грубому тону, рифмачам и хохмачам, хотя Куняев имеет в виду серьезные, уважаемые и даже любимые имена в нашем искусстве, но... труба-чи! А мы говорим: труба-чи полка. Мы говорим: труба-чи революции. Это вошло в плоть и кровь нашего поколения. Маяковский, «революцией мобилизованный и призванный», был и агитатором, и горланом-главарем, и трубачом революции.

Нетрудно понять, чьи имена объединяет «золотая элита

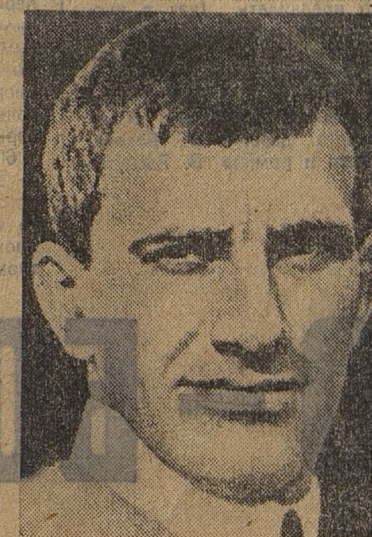
эстрады». По Куняеву: все эти «престижи» исчезнут в пространстве, смердя, а деревенская старуха, «что зелье варит и бормочет обрывок (!) напева», останется навсегда. Более того, он утверждает, что вышеупомянутая старуха «с большей страстью (!) культуру творит, чем вся ваша большая капелла».

Никому не возбраняется не любить того или иного поэта, отдавать предпочтение тому или иному поэту. Можно обождать старуху, которая варит зелье, с упоением слушать, как она бормочет «обрывок напева», и не слушать Высоцкого. В конце концов это дело твоей гражданской позиции, душевного порыва, совести, вкуса, но не нужно противопоставлять старому человеку новое.

В нашем искусстве есть истинно народные произведения, которым уготована долгая жизнь, и есть скоропреходящая мода, есть удачи и неудачи, таланты и посредственности, есть взлеты поэтической гражданской поэзии и забвение гражданских традиций русской литературы (к сожалению, это заметно в нынешней поэзии), есть сильные и есть нежные художники, не говоря о прямых халтурщиках. Но зачем все это валить в одну кучу, в один котел, в одну «капеллу».

У нас есть большая поэзия, верная гражданским традициям русской литературы и советской поэзии. У нас немало поэтов хороших и разных, в той или иной степени преданных этим традициям. Мы учили себя рассматривать поэзию поколениями, а она все-таки состоит из одиночек, из индивидуальностей. Только отошедшее время формирует поколения, соединяет несоединимые имена. Критики не успевают (да это и нелегко) выделить индивидуальности, составляющие то или иное поколение. А уже вышла в издательстве «Художественная литература» антология молодых поэтов.

Время строго выберет поэтов каждого поколения, оно воздаст, им по заслугам, оно и назовет своего нового великого поэта. Можно не сомневаться, что среди ее избранников будут прежде всего поэты, живущие бурями и страстями нашей эпохи, всем сердцем преданные традициям гражданской литературы, поэты, для которых Маяковский жив сегодня.

«Это — не только стихи.

Эти иллюстрации — не для графических украшений.

Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов.

Это — моя часть огромнейшей агитработы — окон сатиры РОСТА.

В. МАЯКОВСКИЙ

КАК И У ВСЯКИХ ЕЛОК
У НАШЕЙ ЕЛКИ
ТЫМА ТЫУШАЯ ИГОЛОК
И ОЧЕНЬ КОЛКИКРАСНЕ И РАЗЛОЖЕНО
НО ТОЛЬКО - ЭХ!
ДЛЯ ЗУБ БУРЖУА ОЧЕНЬ
ТЯЖЕЛ ОРЕХИГРУШКИ ВСЕ ИЗЛОМАНЫ
ТЕПЕРЬ ВЗЯВ СТОЛ
СЛЕГКА ПОГЛАДЬ ЧТОБ ПОМНИЛ
ПРО РОЖДЕСТВООТ НАШЕЙ ЕЛКИ ВЫЙДУ
ПОМЯТ И ВЗДУТ
ГНЕТ ШАПКУ ЛИШЬ ЗАВТРА
БУРЖУИ, ЗВЕЗДУ

вам я
душу вытасу,
расстопчу,
чтоб большая! —
и окровавленную дам,
как знамя.

КАМЕНСКИЙ
Комитрагический
Моей души вой
Разливлен,
будто на Каме пикник.
Долго ли буду
Стоять я живой
Из ядреного мяса памятник.
Пожалуйста.

Для поэта устарелых слов нет — они звучат открытием в новом контексте. Впрочем, литературные обыватели тогда, как известно, нередко упрекали его за чрезмерное употребление подобной лексики.

Маяковский силен не формальным новаторством в сфере находок футуризма. Он был обновителем, ибо явил собою прежде невиданную могучую личность поэта в новом, прежде невиданном времени.

Есть ли в нашей поэзии но-

следующая строфа молодого поэта, мечтающего о будущем своих стихов, строфа, на треть состоящая из рудиментарных слов, «перекликается» с Маяковским:

И пусть им
[потомкам. — Л. В.]
наша жизнь приснится,
И пусть, хотя б на полчасца
Они запомнят наши лица,
Расслышат наши голоса.

Может ли скромное, инфантильное это желание сравнить-

чительные. В наше время это понятие расширилось: гражданские стихи — теперь стихи во славу Родины, в честь революции, стихи о войне, о новостройках, о колхозной деревне.

Гражданственность — применительно к личности поэта — одно из кардинальных состояний его души, осознание своих чувств по отношению к миру, в котором он творит. Когда смешиваются понятия «гражданский» и «гражданственный», неизбежно падает

НЕОБХОДИМЫЕ УРОКИ

Вскоре после войны я попал на дискуссию о Маяковском. Это было в Москве, в клубе Союза писателей. Запомнилось выступление Виктора Борисовича Шкловского. Он начал с заявления, что дискуссия ему напоминает футбольный матч. Мы тоже играем, сказал он, но... без мяча. Ему хотелось, чтоб открылась дверь и в зал, где кипела дискуссионная баталия, вошел Маяковский.

Нынешняя дискуссия «Маяковский и современная поэзия» напомнила ту, давнюю дискуссию. Такое впечатление, что она все еще продолжается и мы по-прежнему играем в футбол без мяча. Ох, как хочется, чтобы мы в разговоре о современной поэзии не забыли Маяковского и тех поэтов, которые сегодня верны его традициям! И не надо сетовать на то, что сейчас нет Маяковского. Во-первых, он есть. Живут его стихи, мы слышим голос поэта. Во-вторых, не следует, как мне кажется, гадать: есть ли сейчас новый Маяковский? Впрочем, назовем имя Твардовского, недавно ушедшего от нас, которого можно представить рядом с Маяковским. И не только его одного.

Ст. Лесневский огорчен тем, что последняя четверть века не выдвинула поэта эпохи. Но Владимира Владимировича при жизни не называли поэтом эпохи, не называли даже пролетарским поэтом. Помните его «Послание пролетарским поэтам»? Это то самое стихотворение, где знаменитые слова о поэтах хороших и разных.

Маяковский выглядел богатырем, но и богатыри имеют легкие раннимые сердца. Что только о Маяковском не говорили тогдашние критики и литературоведы! К счастью, поэты такого масштаба знают себе цену, уверены, что у них «в запасе вечность». Маяковский написал одно из своих самых трогательных стихотворений, где он и публицист, и лирик, — «Юбилейное», в котором, обращаясь к Пушкину и называя его дорогим, говорит:

Может, я один действительно жалею, что сегодня нету вас в живых.

И дальше:
После смерти нам стоять почти что рядом: вы на Пе, а я на ЭМ.

Прав оказался Маяковский. Они стоят «почти что рядом». Можно даже без «почти». Как Пушкин, написавший: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа», так и Маяковский понимал: «Мне бы памятник при жизни. Полагается по чину».

Потомки благодарней современники. И Маяковский шагнул «через лирические томики» к нам, в сегодняшний день. И теперь мы понимаем: он поэт века. Но и сегодня, не осмеливаясь, не смея упрекнуть великого поэта, находятся такие критики и такие поэты, которые всей своей деятельностью всей своей сущностью против Маяковского. Это нет-нет, да и проливается в нашей дискуссии.

Мы спорим о народности и массовости искусства. Иные говорят, что народность измеряется количеством, а массовость — количеством. Мне же думается, что это ложественные

понятия. Народность и массовость надо измерять качеством, независимо от количества. Это две стороны одной медали. Одна сторона — творец, поэт, художник, другая сторона — читатель, слушатель, зритель. Обе стороны надо измерять только качеством, чтобы определить, что есть искусство, а что не искусство, тем более — великое. Но и качество имеет свои измерения. Не каждого поэта можно назвать великим, как не каждого стихотворца можно назвать поэтом. Французы говорят: каждый поэт пьет из своего бокала. У одного гигантский бокал, у другого — маленький, но свой. В этом все дело. Даже качество, особенно в искусстве, имеет разную кондицию, разную пробу, как золото.

В русской поэзии есть удивительные поэты, к ним подходят самые восторженные эпитеты: самобытный, талантливый, тонкий, прекрасный, изумительный, но это не всегда означает великий.

Кстати, о великих. Я уже сказал, что потомки благодарней современников. Но не надо терять чувства меры. Скажем, в последние годы мы Фета стали называть великим поэтом. А это ведь вызов Маяковскому, гражданственности русской литературы, о которой мы ратуем в нашей дискуссии. Фет — прекрасный поэт, тонкий лирик, но нужно ли его называть великим?

Вот и Валентин Сидоров считает Федора Тютчева народным поэтом. Он пишет: «Слова «народный поэт Тютчев» ныне звучат естественно». А я вот прочел эти слова, и, при всей моей любви к Тютчеву, они не показались естественными. Ведь это тоже против Некрасова, против Маяковского, против гражданственности поэзии. Даже Достоевский думал по-другому. В своем «Дневнике писателя» он утверждал: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его (Некрасова, — М. Л.) и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым».

Великий национальный поэт, народный поэт, поэт эпохи — это тот поэт, который на высоком художественном уровне, шире и глубже других поэтов вообрал свое время, выразил свой век, воспел свой народ. Великие поэты никого не затмевают, наоборот, они, как высочайшие вершины, служат на все времена верными ориентирами для других поэтов. И только как курьез можно воспринять эпизод, рассказанный Анной Ахматовой. Однажды она встретила поэта Бенедикта Лифшица и спросила, почему он такой мрачный. Лифшиц ответил: «Знаете, я как-то плохо себя ощущаю». «Почему?» — спросила Анна Андреевна. «Мне мешает писать Блок».

Ахматовой Блок не мешал писать, и она стала Ахматовой. Конечно, хорошо, что время исправляет современные оценки, даже меняет их, воздает должное художнику, и он вырастает над нами. И наивно думается: все в мире справедливо. Каждый из нас может называть многие имена из прошлых лет поэзии, имена поэтов, недавно ушедших от нас, поднявшихся во весь свой рост, отпущенный им талантом и временем. Этот процесс продолжается и всегда будет происходить.

В истории литературы не было поэта, который в той или иной мере не влиял бы на других поэтов. Но мы ведем речь о

бедили не новаторы». «А победили... простые русские стихи».

Да ведь все это против Маяковского! Он любил эстраду, выступал в Политехническом, объездил всю страну, выступая перед тысячами людей. Я совершенно отчетливо вижу Маяковского и на стадионе, и на останкинском вечере по телевидению, слышу знаменитый бархатный бас по радио... И он был новатором. Но, оказывается, победили не новаторы, а «простые русские стихи».

Можно отыскать цитату из Пастернака, чтоб пригвоздить к позорному столбу «эстрадную» поэзию. Что ж, Маяковский и Пастернак — два разных характера, два различных взгляда на жизнь, хотя Пастернак признавал влияние раннего Маяковского, и это нетрудно обнаружить. Маяковский обожал «всяческую жизнь», Пастернак не мыслит «жизни вне тайны и незаметности», как он писал в своем автобиографическом очерке.

Цитату против эстрады у Пастернака нетрудно выискать, а я — пожалуста — за эстраду у Гоголя. Еще в 1843 году в статье «Чтения русских поэтов перед публикою» Гоголь писал: «Чтение наших поэтов может принести много публичного добра».

Дело не в том, где читать, все дело в том, что читать и кому читать. Пастернак в «Охранной грамоте» вспоминает, как на Тверском бульваре Маяковский ему читал свою трагедию «Владимир Маяковский»: «Я слушал, не помня себя, всем перехваченным сердцем, затаив дыха-

ние, даже песни на стихи таких, казалось бы, неудобных для музыки поэтов, как Маяковский, Цветаева, Вознесенский...»

Некоторые стихотворцы, то ли из зависти, то ли из-за неумения читать на большой аудитории, превратили слово «эстрада» в бранное слово. А ведь эстрада — это высокая трибуна для поэзии.

Не надо делить поэзию на тихую и громкую, гражданскую и лирическую, интеллектуальную и неинтеллектуальную. Поэзия или непознана — вот вопрос. Творчество каждого поэта надо рассматривать как один разнородный мир, как нечто цельное, единый организм. Подлинного поэта можно узнать по двум строчкам. «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» и «Я вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем!» писала угада не Маяковского, не надо делить на гражданское и лирическое. «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза» и «В небе вон луна такая молодая, что ее без спутников и выпускать рискованно» писал один поэт, почерк которого нельзя не узнать.

В некоторых статьях дискуссии повышенный интерес к поэзии называют «бумом» и утверждают, что ныне этот интерес упал. Не знаю. Я принимал участие в недавних Днях литературы в городах Подмосковья, в других городах, и встречи с читателями проходили в переполненных залах, на полянках, на эстрадных подмостках. Несколько ме-

някое не возбраняется не любить того или иного поэта, отдавать предпочтение тому или иному поэту. Можно обождать старуху, которая варит зелье, с упоением слушать, как она бормочет «кобылок напева», и не слушать Высоцкого. В конце концов это дело твоей гражданской позиции, душевного порыва, совести, вкуса, но не нужно противопоставлять старому человеку новое.

В нашем искусстве есть истинно народные произведения, которым уготована долгая жизнь, и есть скоропреходящая мода, есть удача и неудача, таланты и посредственность, есть взлеты поэтической гражданской поэзии и забвение гражданских традиций русской литературы (к сожалению, это заметно в нынешней поэзии), есть сильные и есть немоощные художники, не говоря о прямых халтурщиках. Но не зачем все это валить в одну кучу, в один котел, в одну «капеллу».

У нас есть большая поэзия, верная гражданским традициям русской литературы и советской поэзии. У нас немало поэтов хороших и разных, в той или иной степени преданных этим традициям. Мы привыкли себя рассматривать поэзией поколениями, а она все-таки состоит из одиночек, из индивидуальностей. Только отошедшее время формирует поколения, соединяет несоединимые имена. Критики не успевают (да это и нелегко) выделить индивидуальности, составляющие то или иное поколение. А уже вышла в издательстве «Художественная литература» антология молодых поэтов.

Время строго выберет поэтов каждого поколения, оно воздаст им по заслугам, оно и назовет своего нового великого поэта. Можно не сомневаться, что среди ее избранных будут прежде всего поэты, живущие бурями и страстями нашей эпохи, всем сердцем преданные традициям гражданской литературы, поэты, для которых Маяковский жив сегодня.

Впрочем, Куняеву нельзя отказать в боевостности, но его боевостность воюет против Маяковского. Когда-то я прочитал его стихотворение, которое начинается так: «Рифмачи, труба-чи, хохмачи, золотая элита эстрады». Можно удивиться издательски-грубому тону, рифмачи и хохмачи, хотя Куняев имеет в виду серьезные, уважаемые и даже любимые имена в нашем искусстве, но... труба-чи! А мы говорим: труба-чи полка! Мы говорим: труба-чи революции. Это вошло в плоть и кровь нашего поколения. Маяковский, «революцией мобилизованный и призванный», был и агитатором, и голланом-главарем, и труба-чи революции.

Нетрудно понять, чьи имена объединяет «золотая элита

Никому не возбраняется не любить того или иного поэта, отдавать предпочтение тому или иному поэту. Можно обождать старуху, которая варит зелье, с упоением слушать, как она бормочет «кобылок напева», и не слушать Высоцкого. В конце концов это дело твоей гражданской позиции, душевного порыва, совести, вкуса, но не нужно противопоставлять старому человеку новое.

В нашем искусстве есть истинно народные произведения, которым уготована долгая жизнь, и есть скоропреходящая мода, есть удача и неудача, таланты и посредственность, есть взлеты поэтической гражданской поэзии и забвение гражданских традиций русской литературы (к сожалению, это заметно в нынешней поэзии), есть сильные и есть немоощные художники, не говоря о прямых халтурщиках. Но не зачем все это валить в одну кучу, в один котел, в одну «капеллу».

У нас есть большая поэзия, верная гражданским традициям русской литературы и советской поэзии. У нас немало поэтов хороших и разных, в той или иной степени преданных этим традициям. Мы привыкли себя рассматривать поэзией поколениями, а она все-таки состоит из одиночек, из индивидуальностей. Только отошедшее время формирует поколения, соединяет несоединимые имена. Критики не успевают (да это и нелегко) выделить индивидуальности, составляющие то или иное поколение. А уже вышла в издательстве «Художественная литература» антология молодых поэтов.

Время строго выберет поэтов каждого поколения, оно воздаст им по заслугам, оно и назовет своего нового великого поэта. Можно не сомневаться, что среди ее избранных будут прежде всего поэты, живущие бурями и страстями нашей эпохи, всем сердцем преданные традициям гражданской литературы, поэты, для которых Маяковский жив сегодня.

«Это — не только стихи. Эти иллюстрации — не для графических украшений. Это — протонольная запись труднейшего трехлетия — революционной борьбы, переданная платнами красок и звоном лозунгов. Это — моя часть огромнейшей агитработы — окон сатиры РОСТА».

В. МАЯКОВСКИЙ

КАК И У ВСЯКИХ ЕЛОК
У НАШЕЙ ЕЛКИ
ТЫМА ТЫМУШАЯ ИГОЛОК
И ОЧЕНЬ КОЛКИ

КРАСИЕ И РАСКОМЧЕНЫ
НО ТОЛЬКО ЭХ!
ДЛЯ ЗУБ БУРЖУА ОЧЕНЬ
ТЯЖЕЛА ОРЕХ

ИГРУШКИ ВСЕ ИЗЛОМАНЫ
ТЕПЕРЬ ВЗЯВ СТВОЛ
СЛЕГКА ПОГЛАДЬ ЧТОБ ПОМИНИ
ПРО РОЖДЕСТВО

ОТ НАШЕЙ ЕЛКИ ВЫЙДЕ
ПОМЯТ И ВЗДУТ
ГНЕТ ШАПКУ ЛИШЬ ЗАВИДА,
БУРЖУА, ЗВЕЗДА

Испытываю желание высказаться, но в стороне от дискуссии. Почему в стороне? Поведа для дискуссии не вижу. Авторы статей сражаются с ветряными мельницами, отличаясь от благородного рыцаря печального образа тем, что наверняка знают: перед ними не войско, а мельницы ветряные.

Спор сводится к излюбленным темам: «Традиция и новаторство» и «Гражданственность поэзии». Сколько бумаги написано на эти темы, сколько цитат подобрано к месту и не к месту, дабы доказать, что Волга впадает в Каспийское море, а вот Земля зато вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси. Авторы употребляют все усилия, чтобы навести косметику на знакомое всем лицо поэзии, и пишут так, что создается впечатление, словно они главную правду, известную им и читателю, держат в уме, а на страницы выводит физиономию со смазанными чертами, мало похожая на себя.

Сколько копий изломано о традицию и новаторство! Сколько виноватых в том, что не следуют традиции или слишком следуют ей! Десятилетиями спорим в еженедельниках, толстых журналах, в отдельных книгах. Почему до сих пор никто не скажет прямого, что знали наши литературные деды и прадеды: никакой проблемы традиции и новаторства в литературе нет и быть не может. Такая проблема противостоит природе творчества, ибо эти два понятия — суть одно неделимое.

Ни один художник, даже самый бескорнейный, не возник на пустом месте: три кита — крайняя мера его держат — прочная основа предшествующей литературы, гигантский фундамент исторической жизни и чувство своего времени. Без традиции нет художника, как нет человека без матери. Однако сила художника — в неповторимости голоса, который он свое время передает. Новатор — по-латыни: обновитель. Новаторство — обновление. Ничего нового, что было бы не известно Пушкину, Мая-

ковский о жизни вообще не сказал, и все сказал новое. Принято считать, что у него новаторская манера письма. Таких новаторов, преимущественно из футуристов, в то время было много. Вот для сравнения два отрывка:

МАЯКОВСКИЙ
Я,
обсмеянный
у сегодняшнего племени
как длинный
скабрзный анекдот,

Лариса
ВАСИЛЬЕВА

ХОТЕЛА БЫ ОКАЗАТЬСЯ НЕПРАВОЙ...

вижу идущего через горы
времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей
обрывается куций,
главой голодных орд,
в терновом венце
революций
грядет шестнадцатый год.
А я у вас — его претеча;
Я — где боль, везде,
на каждой капле
слезовой течи
распял себя на кресте.

Уже ничего простить
нельзя
Я выжег души,
где нежность встала.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!
И когда
приход его
матеежом оглашая,
выидете к спасителю —

вам я
душу вытасу,
растопчу,
чтоб большея! —
и окровавленную дам,
как знамя.

КАМЕНСКИЙ
Комитрагский
Моей души вой
Разливлен,
будто на Капе пикник.
Долго ли буду
Стоять я живой
Из ядреного мяса памятник.
Пожалуйста,

Громче скотрите
Во все колокола и глаза,—
Это я — ваш покоритель
[Огонь рожал в устах].
Воспевающий жизни
против и за
А вы, эй, публика,
Только всегда капут
Пригвождали
на чугунные памятники.

Стилистически отрывки очень близки — это строки современников, написанные в рамках тогдашней литературной моды. Однако, насколько не желая умилять Василия Каменского, не могу не почувствовать преобладающей силы темперамента Маяковского. Поэт вырастает из рамок моды. Заметьте, однако, как много в этом отрывке вроде бы устаревших слов: «терновое венце», «претеча», «распял себя на кресте», «спаситель».

Для поэта устаревших слов нет — они звучат открытием в новом контексте. Впрочем, литературные обыватели тогда, как известно, нередко упрекали его за чрезмерное употребление подобной лексики.

Маяковский силен не формальным новаторством в сфере находок футуризма. Он был обновителем, ибо явил собою прежде невиданную могучую личность поэта в новом, прежде невиданном времени.

Есть ли в нашей поэзии но-

следующая строфа молодого поэта, мечтающего о будущем своих стихов, строфа, на треть состоящая из рудиментарных слов, «перекликается» с Маяковским:

И пусть им
[потомкам. — Л. В.]
наша жизнь приснится,
И пусть, хотя б на полчаса
Они запомнят наши лица,
Расслышат наши голоса.

Может ли скромное, инфантильное это желание сравниться с гигантской уверенностью поэта:

Мой стих
трудо
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,

как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.

Не «корабликом бумажным», размокающим в воде, а носителем живой силы, без которой человеку — смерть, идет к потомству большой поэт.

Что же касается «гражданственности поэзии», то мы попросту путаем прилагательное «гражданский» и существительное «гражданственность».

У Александра Блока есть произведение «О любви, поэзии и государственной службе» — там персонаж-поэт восклицает:

«— Вы правы, я напишу гражданские стихи! Обличительные стихи!»
Заметьте, прежде гражданскими назывались стихи обли-

чительные. В наше время это понятие расширилось: гражданские стихи — теперь стихи во славу Родины, в честь революции, стихи о войне, о новостройках, о колхозной деревне.

Гражданственность — понятие, расширенное, гражданские стихи — теперь стихи во славу Родины, в честь революции, стихи о войне, о новостройках, о колхозной деревне.

Гражданственность — понятие, расширенное, гражданские стихи — теперь стихи во славу Родины, в честь революции, стихи о войне, о новостройках, о колхозной деревне.

Однако «Размышления у парадного подъезда» и «Василий Теркин» не только гражданственные, но и великие гражданские произведения, написанные на гражданскую тему, чего нельзя сказать о пушкинском и блоковском произведениях — это лирика.

Гражданственность может быть плохой и может быть плохой не может.

Плохих гражданских стихов может быть сколько угодно — откройте любую газету или сборник.

Я то как раз считаю, что плохое стихотворение гражданскую тему негражданственно.

Если мы наконец догонимся о терминологии и не будем путать праведное с грешным, наши споры примут более разумный характер и будут гопристойный вид.

Еще мне хочется написать, что много говорит много сказать не есть одно и то же. Это заметил еще фокс, но его, видимо, слышали,